
УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

М.И. Цыренова

Кафедра теории и практики
преподавания русского языка как иностранного
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

Статья посвящена сравнению русского и корейского языков с целью применения полученных результатов в практике преподавания русского языка южнокорейским студентам. В ней идет поиск общего и различного между данными языками на глубинном и вербальном уровнях. Для этого, в частности, производится анализ именных форм с точки зрения интегральных и дифференциальных компонентов.

Ключевые слова: глубинный уровень, вербальный (поверхностный) уровень, интегральный компонент, дифференциальный компонент.

Как мы писали ранее [3], оптимальную модель учебного процесса в южнокорейской аудитории целесообразно строить на основе коммуникативно-деятельностного подхода к обучению, который, в свою очередь, опирается на коммуникативный и когнитивный принципы. Реализовать когнитивный принцип при обучении русскому языку корейских учащихся уже на начальном этапе невозможно без учета языковой личности данных учащихся и, как следствие, без учета национально-ориентированного описания языкового материала в контексте конструируемой нами модели.

Реализовывая когнитивный принцип, мы идем в направлении:

— «от глубинной семантики» (по Р. Якобсону, А. Вежбицкой, Ю.Д. Апресяну и т.д.) — к средствам ее вербализации. Модели, основанные на таком подходе, обеспечивают формирование когнитивных структур языковой личности, необходимых как при рецепции, так и при осуществлении продуктивных видов речевой деятельности (о чем заявляли и лингвисты, и методисты, начиная с Л.В. Щербы [6; 10]). Такие модели мы, интерпретируя Л.В. Щербу и И.Г. Милославского, назовем ономаσιологическими.

Данную работу мы намерены выполнить: 1) в опоре на универсальные категории, являющиеся общими как для носителей русского языка, так и для носителей корейского языка и представляющие высший уровень когнитивной архитектоники языковой личности; 2) в опоре на семантический инвариант каждой из категорий, который, как мы предполагаем, также является универсальным; 3) с учетом тех расхождений, которые имеются в «языковой картине мира» русского и корейца.

В реальности когнитивное содержание (семантический уровень) всех людей зафиксировано языком, на котором они общаются, т.е. языковыми знаками поверхностного уровня. Поэтому выявить этот самый глубинный уровень нельзя без идентификации поверхностных единиц и закономерностей их употребления, что может быть возможным при определенных трансформациях поверхностных структур [2; 4];

— «от вербального (поверхностного) уровня» — к семантическому содержанию. Данный подход обеспечивает необходимыми моделями рецептивную деятельность, а, следовательно, ее основные виды (аудирование и чтение). Такие модели мы назовем семасиологическими. Таким образом, стратегию лингвометодической части нашего исследования мы намерены осуществлять, по А.В. Бондарко, «методом челночного движения» [7].

В целях интегрирования языкового материала в создаваемую нами лингвометодическую модель данная статья и будет посвящена «глубинной семантике» и средствам ее выражения в сопоставляемых языках, нахождению общего и национально специфического в «языковой картине мира» носителей русского и корейского языков. В этом и заключается актуальность нашего исследования.

И в русском, и в корейском языковом сознании в целом выделяются универсальные базовые категории, по которым происходит дифференциация и систематизация языкового/речевого материала в коммуникативных целях. В качестве таких универсалий можно назвать категории: а) предметов (одушевленных и неодушевленных) с дифференциацией семантического субъекта и объекта; б) действий; в) признаков. При реализации данных категорий в предложении/высказывании и в русском, и в корейском языках используются языковые единицы, показывающие, как на поверхностном уровне функционируют данные категории. Однако в русском языке существуют свои правила употребления частей речи при реализации тех или иных глобальных когнитивных репрезентаций в речевой деятельности. Так, всем известно, что в русском языке имя существительное обозначает предмет, глагол — действие, а имя прилагательное и наречие соответственно — признак предмета и признак действия либо признак признака. В предложении данные единицы выполняют вполне определенные функции: подлежащего, сказуемого, дополнения, определения и обстоятельства. В корейском же языке, как показало наше исследование, нет прилагательного. Однако глаголы в нем делятся на глаголы действия (эквивалентны по значению русским глаголам), например: *одеваться* — *입다* (далее дается в транслитерации) [*ипта*] и глаголы состояния (эквивалентны по значению русским прилагательным), например: *красивый* *예쁘다* [*йэпыда*]. Глаголы состояния, как и глаголы действия, изменяются по временам. В отличие от русского языка, где прилагательное может быть использовано в прошедшем времени в составе именного сказуемого (аналитический способ выражения), например: *Погода была жаркой*; в корейском языке прилагательное (глагол состояния) само образует форму прошедшего времени (синтетический способ выражения): *날씨가 더웠습니다*. [*нал'и'ига товосымнида*] *Погода была жаркой*. Глаголы (глаголы действия и глаголы состояния) в сочетании с определенными языковыми символами могут также выполнять и функцию определения (настоящего и прошедшего времени), причем каждая из этих групп глаголов реализуется через свои отдельные модели, например: *공부하는* [*конпухаНЫН*] *занимающийся*, *작은* [*ч'огЫН*] *маленький*.

В корейском языке отсутствует грамматическая категория рода, нет спряжения. Вернее сказать, существует начальная форма глагола (рус. инфинитив) и спря-

гаемая форма для всех лиц. Кроме того, в корейском языке очень редко используются местоимения 2 л. мн.ч., 3 л. ед. и мн.ч. Хотя мы и можем найти эквиваленты русским местоимениям «вы», «он», «она», «они», все же они имеют помету книжного стиля и в разговорной речи их редко услышишь. Вместо них используются существительные, обозначающие подразумеваемого человека либо предмет. Даже говоря о своем собеседнике, который находится в непосредственной близости от них, южные корейцы используют различные наименования. Например, *이것은 선생님의 볼펜입니다.* [*и госын сонс'энимы пул'пэн имнида*] переводится как «Это Ваша ручка» (дословно: Это ручка учителя).

В отличие от русского корейский язык является слоговым. Кроме того, он относится к агглютинативному типу в отличие от флективного русского. Так, у русского глагола определяется его спряжение, лицо, в некоторых случаях род и т.д., в корейском же языке всех этих категорий нет. Однако в корейском предложении должна обязательно присутствовать форма конечной сказуемости и форма вежливости.

Порядок слов в корейском языке довольно строг. Глагол или прилагательное (как указывалось ранее, в корейском языке эти грамматические классы являются одной частью речи) в роли сказуемого всегда стоит в конце предложения. Все остальные члены предложения стоят перед ним в строгом порядке.

Что касается интегрирования в предложение форм имени существительного, то в целом можно сказать, что некоторые из падежей в корейском языке почти полностью соответствуют русским падежам в их главной функции, однако некоторые не имеют аналогий в русском языке и представляют собой особые формы.

Более подробную картину именных форм, интерпретируя Ю.С. Степанова [9], мы попытаемся представить системно следующим образом:

I. Интегральные семантические компоненты, на основе которых мы и намерены построить нашу модель:

1) в качестве главного и центрального компонента глубинного семантического уровня русского именительного падежа (далее: И.п.) и его корейского варианта нами выделяется семантический инвариант с обозначением субъекта действия, например: (рус.) *Студентка читает*; (корейск.) *학생이 읽습니다.* — [*хаксэнИ иксымнида*], что в буквальном переводе означает: *Студент(ка) читает*. И.п. субъекта противопоставлен винительному падежу (В.п.) объекта в ситуации, где имеется субъект действия, само действие и объект действия. Таким образом, объект является центральным инвариантным компонентом значения В.п., например: (рус.) *Студентка читает книгу*; (корейск.) *학생이 책을 읽습니다.* — [*хаксэнИ ч'эгЭЛ' иксымнида*] — *Студент(ка) книгу читает*;

2) в качестве центрального компонента глубинного семантического уровня русского дательного падежа (Д.п.) нами выделяется компонент «направление», который определяется как направление по отношению: а) ко второму субъекту (адресату), например: *дать другу*; б) к местности, например: *идти к школе*; в этом значении (т.е. в значении б) он похож отчасти на В.п. с предлогами

в/на/под/со/за также в значении направления, например: *идти в школу*. В корейском языке есть форма, эквивалентная и русскому Д.п., и В.п. с предлогами, например: *친구에게 줍니다.* — [ч'ингуЭГ'Э чумнида] — *другу дать*; *학교에 갑니다.* — [хак'оЭ камнида] — *в школу идти*. Таким образом, универсальным компонентом Д.п. и в русском, и в корейском языке является сгусток интегральных признаков со значением «направление»;

3) центральным компонентом русского предложного падежа (П.п.) и его корейского эквивалента, как показывают наши наблюдения и исследование, является компонент, объединяющий обстоятельственные признаки в значении места, например: (рус.) *в университете*; (корейск.) *대학에* [тэхак'оЭ] — *в университете*. Данный инвариант противопоставлен падежам, обозначающим пространство при глаголах движения: а) родительному падежу (Р.п.) с предлогами *из/из-за/из-под/с/от* в значении исходной точки движения, например: *выходить из школы*; б) В.п. с предлогами *в/на/под/со/за* в значении направления, например: *идти в школу*, и Д.п. с предлогом *к* также в значении направления: *идти к театру*;

4) центральным компонентом глубинного семантического уровня русского творительного падежа (Т.п.) (с предлогами и без предлогов) является компонент, объединяющий отличительные признаки «совместности». В корейском языке подобное семантическое содержание также имеет место быть: например, (рус.) *танцевать с другом*, *писать ручкой*; (корейск.) *친구와 춤을 춥니다.* — [ч'ингуВА ч'умыл' чумнида] — *с другом танцевать*, *볼펜으로 씁니다.* — [нул'нэЫРО сымнида] — *ручкой писать*;

5) центральным компонентом глубинного семантического уровня русского Р.п., как показывает исследование Мурата Ашчи [1], считается семантический инвариант, представляющий компонент, объединяющий атрибутивные признаки, на поверхностном уровне представленный функцией определения, например: *очки папы*, *столица России*. Его эквивалентом в этом значении в корейском языке является так называемый притяжательный падеж, например: *아버지의 안경* [аподжиЫ анг'он] — *папы очки*, *러시아의 수도* [рошиаЫ судо] — *России столица*;

б) и в русском, и в корейском языке существует категория времени, но способы выражения этой категории в них различны. Для указания времени действия в русском языке может быть использована форма практически любого из падежей, например: И.п. — *Ночь*; В.п. — *в пятницу, в 5 часов*; Т.п. — *вечерами*; П.п. — *в июне*; в корейском же языке существует так называемый временной падеж (примеры ниже).

2. Дифференциальные компоненты: компоненты и признаки глубинного семантического уровня с учетом их поверхностных экспликаций:

1) как мы уже говорили ранее, на глубинном семантическом уровне и русского и корейского языков главным является противопоставление И.п. субъекта и В.п. объекта. Однако, как показывают наши примеры, в данных языках субъект и объект различно располагаются по отношению к действию, которое выполняет

субъект: в русском языке: С (субъект) + Д (действие) + О (объект); в корейском: С. + О + Д, например: (рус.) Я изучаю русский язык; (корейск.) 나는 러시아어를 배웁니다 — [нанын рошыаорыл' пэумнида] — Я русский язык изучаю;

2) в корейском предложении могут встретиться два подлежащих: так называемые главное и второстепенное. Каждое из них использует соответствующие окончания И.п., например: 오늘은 날씨가 덥습니다. — [онырыЫН нал'ш'иГА топсымнида] — Сегодня погода жаркая. Данное предложение состоит из следующих компонентов: [онырыЫН] — главное подлежащее, [нал'ш'иГА] — второстепенное;

3) как мы писали ранее в наших статьях [8], семантический инвариант «пространство» в корейском языке более дифференцирован, чем в русском. Так, в нем существуют два обозначения места в зависимости от смысла глагола: 1) местонахождение какого-либо предмета и 2) место активного действия, например: 1) Я нахожусь в комнате. — 나는 방에 있습니다. — [нанын панЭ имн'ида] — Я в комнате нахожусь; Я слушаю музыку в комнате. — 나는 방에서 음악을 들읍니다. — [нанын панЭСО имагыл' тытсымнида] — Я в комнате музыку слушаю;

4) в корейском языке есть так называемый временной падеж. Он называет время действия: Утром я встаю в 7 часов. — 나는 아침 7시에 일어납니다. — [нанын ач'им ил'гон ш'иЭ иронамнида] — Утром в 7 часов встаю;

5) значения русского Т.п. в корейском языке имеют разные реализации: совместность — окончание [ва], [гва]: например, с девушкой — 여자친구와 [йоджач'ингуВА]; средство — [ыро]: кушать ложкой — 숟가락으로 먹읍니다. — [сукаракЫРО мохсымнида] — ложкой кушает;

6) значения русского Р.п. в корейском языке также могут быть выражены с помощью разных указателей: откуда — [эсо], например: из библиотеки — 도서관에서 [тосогванЭСО]; от кого-либо — [эг'эсо], например: от друга — 친구에게서 [ч'ингуЭГ'ЭСО].

Проведя анализ универсального и дифференциального в русском и корейском языках, мы пришли к выводу, что при отборе и организации языкового материала для южнокорейских учащихся начального этапа обучения необходимо опираться на то общее, что имеется в двух языках, и идти к выделению дифференцирующих признаков на всех уровнях языка для того, чтобы избежать пагубного влияния интерференции. Например, при изучении русских падежей сначала можно давать И.п., а затем В.п. как противопоставленный ему по линии субъект—объект, так как и в русском языке, и в корейском глубинный семантический смысл данных падежей совпадает. Далее по порядку мы бы порекомендовали давать Д.п. как совпадающий по функциям и способам выражения в двух языках, после этого П.п., Р.п. и Т.п. Таким образом, при обучении русскому языку необходимо в первую очередь обратить внимание на трудности интерферирующего характера на всех уровнях. Например, в корейском языке, как мы выяснили, отсутствует такая ка-

тегория, как род. Спряжение представлено только двумя формами. Русскому имени прилагательному соответствует корейский глагол состояния и т.д. На все эти различия между данными языками стоит обратить особое внимание в практике преподавания русского языка южнокорейским учащимся. Кроме того, необходимо помнить, что когнитивная прогрессия должна происходить одновременно с коммуникативной, поэтому грамматический материал должен быть представлен через текст, в котором синтезированы все языковые явления, носящие как универсальный, так и дифференциальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аичи Мурат*. Описание падежной системы русского языка в целях ее преподавания в турецкой аудитории (на материале форм родительного падежа). — М.: ГИРЯП, 2007.
- [2] *Вежбицка А.* Семантические универсалии и описание языков. — М., 1999.
- [3] Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 3. — М.: ЦМО МГУ, 2012. — С. 49—55.
- [4] *Володина Г.И.* Принципы описания простого предложения в идеографической грамматике русского языка: Дисс. ... докт. филол. наук. — М.: ИРЯП, 1991.
- [5] *Ку Сун Ми*. Конверсивы в русском и корейском языках (лингвометодический аспект): Магистер. дисс. — М.: ГИРЯП, 2007.
- [6] *Милославский И.Г.* Краткая практическая грамматика русского языка. — М., 1987.
- [7] Направления функционально-грамматического описания «от формы» и «от семантики» // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. А.В. Бондарко. — Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. — С. 5—11.
- [8] Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии: материалы II международной заочной научно-практической конференции. Часть I (13 июня 2012 г.) — М.: Изд. «Международный центр науки и образования», 2012. — С. 76—85.
- [9] *Степанов Ю.С.* Текстовая теория русских падежей в описательном и сравнительно-историческом языкознании // Русистика сегодня. — М.: Наука, 1988. — С. 31—57.
- [10] *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974.

COMMON AND DIFFERENT FEATURES OF RUSSIAN AND KOREAN LANGUAGES

M.I. Tsyrenova

Chair of Theory and Practice
of Teaching Russian as a Foreign Language
Pushkin State Institute of Russian Language
Akademika Volgina str., 6, Moscow, Russia, 117485

The article compares Russian and Korean languages. It characterises common and different features of the languages at deep and verbal levels. For this purpose, in particular, we analyze noun forms in terms of integral and differential components.

Key words: deep level, verbal (surface) level, integral component, differential component.